

ГЛАВА 7. В БЕГАХ

Бам! Грохот был такой силы, что в тесном, вечно качающемся нутре повозки мигом взметнулись тучи пыли. Окутанный этим серым облаком, я издал страдальческий стон. На лбу, прямо поверх старых ушибов, уже вовсю наливалась жаром свежая шишка — «почётный знак» моей феноменальной невезучести. В сотый раз прокляв судьбу, я понял: притворяться спящим и дальше не получится. Сладкое забытие покинуло меня, оставив наедине с горькой реальностью.

Кое-как приняв сидячее положение и баюкая гудящую голову, я плотнее закутался в одеяло. Густой аромат орхидей, исходивший от ткани, лишь подлил масла в огонь моего раздражения.

Ну какой же подлец!

Люй Цэчжи самым наглым образом меня надул. Клялся, что стоит лишь выпить его варево, и хворь как рукой снимет. А я, дурак, поверил, влил в себя эту черную, как деготь, жижу... Лекарство, ага, как же! И что в итоге? Да ни на грош не полегчало!

С тех самых пор, как я чудесным образом переродился из вечно преследуемого невзгодами юнца в нынешнего красавца, я и думать забыл о всяких пилюлях и каплях. Кто бы мог знать, что в этой глуши, среди Снежного хребта, мне встретятся эти три вестника беды? И вот я снова в своей старой роли — бледный, чахлый красавец, только без вздохов над цветком.

Ума не приложу, почему я, их благодетель, теперь вынужден вместе с ними нестись сломя голову неведомо куда. Все эти дни мы мчимся без отдыха, меняя лошадей. Спрашивается, ради чего? Лично мне спешить совершенно некуда!

Пока я ломал голову над этой несправедливостью, тяжелая занавеска повозки наконец отодвинулась.

— Ты как, в порядке? — в тесную каморку заглянул Люй Цэчжи, на которого я только что мысленно изливал желчь.

На его лице застыло привычное выражение — непроницаемое равнодушие.

Я уставился на него взглядом записного страдальца, безмолвно протестуя против того, что меня бросили в этой пыльной колымаге. Люй Цэчжи лишь вздохнул, достал мазь и привычным, скупым движением принялся обрабатывать мои раны.

— Я полагал, одеял в повозке достаточно, чтобы смягчить удары, — закончив, заметил он, пристально изучая моё лицо.

— Ну надо же! — огрызнулся я.

Мой безупречный лик теперь украшала живописная россыпь синяков — итог многодневного затворничества в этом «экипаже». Дорога была настолько разбитой, что никакие перины не спасали: я летал от стенки к стенке, как горошина в свистке.

Лихорадка не отступала, и я уже был готов взорваться от любого пустяка. А тут еще снаружи донеслось издевательское ржание Пятнистой лошади. Кровь бросилась мне в голову.

«Проклятая скотина! Клянусь, настанет день, и я пушу её на колбасу!»

А ведь еще пару дней назад я, наивная душа, решил «проветриться» и взобрался этой бестии на спину. Не успел я и глазом моргнуть, как повозку тряхнуло, и эта кляча выкинула меня из седла такой эффектной техникой облегчения тела, что я приземлился аккурат на пятую точку. Этот полет окончательно вытряс из меня дух: жар, который начал было спадать, вернулся с новой силой, да такой, что хоть святых выноси.

И ведь как быстро эта предательница нашла себе нового хозяина! Даже обидно. И пусть этот красавчик Люй оправдывает её тем, что она, дескать, раньше людей не возила и просто не рассчитала сил — не прощу! Из-за этой «зебры» мне теперь приходится коротать дни в компании пыльных подушек.

— Она очень умная. Все эти дни она места себе не находит от раскаяния, — подал голос новый покровитель лошади, решительно встав на защиту её чести.

Раскаяние? У этой твари? Не смешите мои тапки! Эта скотина в своё время сожрала всю мою высокогорную капусту — единственное, что мне с таким трудом удалось вырастить — и даже глазом не повела. Стояла и смотрела, как я бегаю вокруг с кухонным ножом и изрыгаю проклятия, а сама продолжала издевательски топтать мои грядки.

Тогда я впервые понял горькую истину: доброта — лучший повод для лошади сесть тебе на шею. За неделю мой огород превратился в пустыню. Я смирился. Думал, раз жрать больше нечего, она от меня отвяжется.

Как бы не так! На следующее утро, едва я открыл дверь, эта бестия уже торчала на пороге с кочаном капусты в зубах! Откуда она её взяла — одному богу известно.

С того дня Пятнистая лошадь официально вступила на путь бандитизма. Каждое её «дело» сопровождалось демонстративным показом добычи перед моим носом. В городке у подножия горы люди начали запира́ть двери на все задвижки, стоило кому-то крикнуть: «Конный вор идет!».

А моим самым большим просчётом было спуститься в город за припасами и не заметить, что эта четвероногая воровка увязалась за мной. Стоило жителям увидеть нас вместе, как я мигом превратился из уважаемого охотника в пособника бандита. Слава о «хозяине бешеной лошади» разлетелась быстрее ветра. Пришлось нести этот крест, раздавая долги за её художества и

уповая на божье милосердие...

Эх, что было, то былём поросло. Но мысль о том, что после всего, что я ради неё сделал, она меня так беспардонно скинула, жгла сердце.

Не в силах больше терпеть, я одарил Люй Цэчжи, который умудрился приручить эту скотину без единого хлопка, завистливым взглядом и рванул занавеску. Мне нужен воздух! Иначе я задохнусь в этом приторном аромате орхидей!

— Ты что творишь? — он перехватил мою руку прохладными пальцами, возвращая штору на место, а меня — на сиденье.

— Подышать хочу! — простонал я и вдруг сообразил.

Почти не думая, я схватил его ладони и прижал их к своим щекам. О боги, какая благодать! Его кожа была такой холодной, что жар, терзавший меня несколько дней, начал понемногу отступать. Я довольно зажмурился.

Чувствуя, как он пытается высвободиться, я лишь крепче сжал его руки и слегка потерся лицом о ладони. Кажется, долгожданный сон наконец решил ко мне заглянуть.

— Шэ Инь... — в его голосе прозвучало нечто странное. Глубокий баритон идеально подходил для колыбельной, если бы не эти нотки сомнения и явного недовольства.

Я прекрасно понимал, к чему он клонит. Видите ли, господину неловко от прикосновений. Но не поздно ли краснеть, когда он уже и на руках меня таскал, и обнимал, когда я в бреду метался?

Очень хотелось притвориться спящим. Эгоизм — двигатель прогресса, в конце концов.

Но Люй Цэчжи не из тех, кого можно провести таким дешевым трюком. Пришлось нехотя выныривать из уютных объятий сна и открывать глаза.

— Ты... — в его голосе отчетливо слышался вздох. — Хочешь спать — ложись в постель.

Он потянулся ко мне, явно намереваясь уложить поудобнее.

Снова биться головой о стенки? Ну уж нет! Я только открыл рот, чтобы выразить свое категорическое «не согласен», как повозку подбросило. Колесо наехало на какой-то злосчастный камень, и нас швырнуло друг к другу.

Миг — и наши губы соприкоснулись.

Это было краткое, до ужаса нелепое и совершенно случайное касание.

Всё. Приплыли...

Мы замерли, глядя куда угодно, только не друг на друга. В повозке воцарилась такая тишина, что было слышно, как бьется сердце — и я готов был поклясться, что не только моё. Лицо пылало так, что никакие холодные руки не спасли бы.

Проклятье! Ну какому умнику пришло в голову срезать путь по этим ухабам? Я судорожно пытался вспомнить автора этой блестящей идеи, пока не осознал, что он сидит прямо передо мной. Ладно, счета сводить будем позже. Сейчас нужно было найти другого виноватого.

— Кто сегодня правит? — выдавил я.

— Ши И, — отозвался Люй Цэчжи, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Чудесно.

Я мрачно кивнул. Ну всё, Ши И, братец ты мой младший... Попадись ты мне. Тебе конец!

<http://bllate.org/book/17512/1653392>